

УДК 327

Ходаковский Е.А.

Геоцивилизационные основы единства пространства и времени

Ходаковский Евгений Андреевич, кандидат философских наук, эксперт Фонда национальной и международной безопасности

E-mail: khodakovsky@bk.ru

В современный период разворачивается противоборство ряда альтернативных вариантов интеграции, составляющих основу мироустроительных проектов глобальной значимости. Характер этого противоборства, соотношение конфликтных и конструктивных форм взаимодействия макрорегиональных интеграционных процессов формируют облик будущего человечества. И как в предыдущие эпохи кардинальных трансформаций, влияние России может оказаться решающим в определении новых тенденций мировой эволюции.

Ключевые слова: государство-цивилизация, империя-цивилизация, цивилизация-регион, геоцивилизация, глобальная безопасность, Запад, Восток, правосудие, ритуал, правоверие, Русская идея, Правда, Соборность, Державность

Первоначальный период исторической эволюции человечества характеризовался формированием локальных общностей. Некоторые из них, добившиеся значительных результатов в формировании традиций и ценностей материальной и духовной культуры, по мере развития организационных форм жизнедеятельности, как правило, в течение нескольких столетий, становились основой возникновения государств-цивилизаций. Древнейшие государства-цивилизации Междуречья, Египта, Индии и Китая представляют собой первые завершённые и совершенные (в конкретных исторических условиях) интеграционные системы локального уровня – островки мироустройства в бушующем океане природных и социальных стихий.

Историческим преемником государств-цивилизаций являлись империи-цивилизации – масштабные социально-политические общности, созидающие на основе интеграции разнородных традиций единую наднациональную синтетическую культуру и политико-экономическую систему. «Всякой империи, – отмечал Б.С.Ерасов, – присуще многообразие этнических групп и конфессий. Это многообразие сохраняется на протяжении всего исторического периода существования империи и переживает ее крушение. Это означает, что империя так или иначе служит средством поддержания такого многообразия, сохраняет плюрализм культур, над которым и возвышается имперская власть»¹.

В процессе формирования империи неизбежны конфликты между ее разнородными социокультурными и политическими элементами. «Империя как надэтническое государственное образование предоставляло всем народам, живущим на ее территории, защиту от внешних врагов. И вместе с тем жестко пресекала всякого рода межэтнические столкновения»². Пресечение различных междоусобиц являлось необходимым условием сосуществования входящих в состав империи этносов и конфессий. При благоприятных условиях их активное взаимодействие и возникновение единой синтетической традиции становились основой образования империи-цивилизации.

Наиболее масштабные империи-цивилизации, как по продолжительности функционирования, так и по территориальному охвату, – Римская, Византийская, Российская. «Именно степенью универсальности Российская империя отличалась от других имперских образований того времени, что и делало ее продол-

¹ Ерасов Б.С. Цивилизации: универсалии и самобытность / Отв. ред. Н.Н.Зарубина. М.: Наука, 2002. С. 275.

² Шевченко В.Н. К современным спорам вокруг евразийской идеи // Социальная теория и современность. Вып. 18. Евразийский проект модернизации России: «за» и «против». М.: РАГС, 1995. С. 39

жением и подобием первого и второго Рима, придавало ей такой огромный масштаб и устойчивость»¹.

В современный период в результате региональных интеграционных процессов, в том числе и на основе развития традиций империй-цивилизаций, формируются качественно новые сообщества – цивилизации-регионы, в ареале которых формируются альтернативные варианты и пространства, и времени, мироустроительные проекты глобальной значимости.

Государства-цивилизации, империи-цивилизации и цивилизации-регионы, наряду с иными социально-политическими общностями, составляют систему высшего порядка – гецивилизацию, объединяющую всех социально-политические общности планеты Земля, соединенные политическими, экономическими, демографическими, культурно-историческими и информационно-технологическими взаимосвязями.

В ходе эволюции государств-цивилизаций Франции, Италии, Германии, Британии и других стран, образовавшихся на территории Империи франков (империи Карла Великого), сформировался наиболее мощный макрорегиональный блок современности – Запад, претендующий на доминирование в сфере определения идеалов и ценностей, общих для всего человечества. При этом в основе проекта, которому приписываются свойства глобального универсализма, закладываются исключительно западные стандарты.

Крах коммунистической идеи в СССР и странах Восточной Европы вызвал эйфорию у ряда деятелей, среди которых наиболее известен американский политолог японского происхождения Френсис Фукуяма со своей нашедшей концепцией «конца истории»². Ф.Фукуяма, описывая преимущества демократии, рыночной экономики и либерализма, отстаивал неизбежность остановки поиска видовой разнообразия форм жизнедеятельности человечества. Иными словами, эволюция избрала «победителей», другие должны подстроиться под «эталонные» образцы или будут обречены на вымирание.

Ослепленные военно-стратегической и экономической мощью представители группы стран «победителей» могут считать себя венцом мировой истории, ее целью и смыслом. Действительная проблема все же в том, насколько долговечны преимущества современных «чемпионов», сколько времени они смогут выдержать заданный темп на исторической дистанции. Современный мировой финансово-экономический кризис выявил ограничения западной модели политико-экономического развития, а также объективные предпосылки необходимости их преодоления и выработки качественно новых систем государственного устройства, региональной и глобальной интеграции.

Более трезвомыслящие западные ученые предостерегают от почивания на лаврах и обрисовывают реалистичные контуры проблемы: «По мере относительного усиления мощи других цивилизаций привлекательность западных ценностей уменьшается, а незападные народы испытывают все большее доверие и приверженность к своим собственным коренным культурам. Поэтому главная проблема взаимоотношений между Западом и остальным миром заключается в том, что его усилия (и в особенности США) по продвижению универсальной западной культуры предпринимаются на фоне объективно сокращающихся возможностей в этой области»³. При этом все же сами притязания на универсализм западных социально-политических ценностей не подвергаются критическому переосмыслению.

Необходимо учитывать, что основополагающую роль при определении приоритетов в развитии государств Запада играют национальные интересы, формирующиеся на протяжении длительного периода и являющиеся относительно неизменными в ходе устойчивого развития нации-государства (nation-state)⁴. Концепция нации-государства «...была сформулирована вскоре после Французской революции и постепенно укоренилась (и до последнего времени бесспорно доминировала) в общественно-политических науках государств, принадлежащих к евроатлантической цивилизации»⁵. Но применительно к исследованиям эволюции незападных цивилизаций категории «нация», «нация-государство», «национальный интерес»⁶ обладают определенными ограничениями. Использование данного инструментария представляется недостаточно корректным, пока в исследуемой социально-политической системе в результате общественного развития определенной направленности (вероятность которого, например, для России⁷ незначительна⁸) не сложится нация-государство, объединяющее в себе правовое государство и гражданское общество, и система национальных интересов.

Доминирование материальных интересов над духовными – одна из существенных черт западных об-

¹ Ерасов Б.С. О геополитическом и цивилизационном устройстве Евразии // Цивилизации и культуры / Редкол. Ерасов Б.С. и др.; Институт востоковедения РАН. М., 1996. Вып. 3. С. 99.

² Фукуяма Ф. Конец истории // США: экономика, политика, идеология. М.: Институт США и Канады РАН, 1990. № 5. С. 39–54.

³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М.: Academia, 1999. С. 536.

⁴ «С категорией «национальный интерес» связан целый ряд методологических проблем, нередко упускаемых из виду. Само это понятие... в полной мере применимо лишь к такой современной форме государственности, как нация-государство» (Пантин В.И. Логика разума или страстей // Полис (Политические исследования). 1995. № 1. С. 100).

⁵ Сорокин К.Э. Государственные интересы как обобщение национальных // Полис (Политические исследования). 1995. № 1. С. 115.

⁶ «Понятие «национальных интересов» все больше выпадает из контекста современной мировой политики. ...связано с нарастающим кризисом полиэтнической модели «нации-государства» – как самого объекта, так и его концепции» (Сорокин К.Э. Указ. соч. С. 115).

⁷ «Россия – не просто одна из других наций, а многонациональное и полиэтническое образование, функционирующее как особая специфическая цивилизация, охватывающая различные общности евразийского региона» (Ерасов Б.С. Цивилизации: универсалии и самобытность. С. 88).

⁸ «Говорить о «национальных интересах России» в связи с этим представляется не корректным по самой простой причине: нет «нации» – не может быть и «национальных интересов» (Кара-Мурза А.А. Между «империей» и «смутой» // Полис (Политические исследования). 1995. №1. С. 97).

ществ¹. Примечательно, что в английском языке слово «interest» обозначает также выгоду, проценты на капитал, а термин «интересы национальной безопасности» был введен в политический лексикон Теодором Рузвельтом в 1904 году в послании Конгрессу США, в котором он обосновывал необходимость отторжения от Колумбии ее провинции – Панамы – для строительства подконтрольного США канала². По существу, то, что выгодно, способно приносить прибыль, объявляется национальным интересом, что и проявляется в прагматизме и утилитаризме политики западных государств.

В контексте изложенного показателна специфическая приверженность западных обществ праву, правосудию как таковому. Правосудие на Западе равнозначно справедливости, что находит отражение и в языке: в английском и французском, например, эти два понятия обозначаются одним словом justice. При этом право доминирует над этикой и в своем прагматизме претендует на статус «внеморальности».

Отечественный мыслитель Вадим Кожин отмечает, что в Англии в конце XV века был принят закон о бродяжничестве, в соответствии с которым бездомных предавали смертной казни. «Чудовищный закон. А когда начались так называемые огораживания, когда выяснилось, что в Англии совершенно невыгодно сеять хлеб, гораздо дешевле покупать хлеб во Франции, а здесь выращивать овец на этих землях, то их принялись сгонять, и поля превращать в овечьи пастбища. Естественно, образовалось огромное количество бродяг. Вместо того чтобы попытаться их как-то трудоустроить, их просто повесили. В России ничего подобного никогда не было. Но у них закон этот принял парламент, то есть избранники народа. И получается так, что Генрих VIII, который в то время правил в Англии, как бы ни в чем не виноват. Хотя он мог бы наложить вето. Формально же получается так, что ...там был закон»³.

Сохранение хотя бы видимой приверженности праву было характерно и для диктаторских режимов Запада. Для придания правового характера расправе над 85 лидерами штурмовиков Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП), арестованных 30 июня 1934 года («ночь длинных ножей»), Гитлер вместе с министрами юстиции и внутренних дел подписал специальный закон о защите государства: «Меры, принятые 30 июня, 1 и 2 июля 1934 г. для пресечения действий заговорщиков и предателей, являются вынужденной защитой государства (Staatsnotwehr) и носят правовой характер»⁴.

В целом же роль Запада в развитии интеграционных процессах современности, может быть оценена как одна из основных. Идеи либерализма, концепция прав и свобод человека формируют проект глобального правосудия. Вопрос «А судьи кто?» – риторичен. Да и «осужденные» уже определены... При этом декларируемые цели глобального проекта, осуществляемого Западом, противоречат средствам его реализации. Насажение «нового мирового правопорядка» осуществляется внеправовыми методами.

Сменив Великобританию в качестве экономического и военно-политического лидера Запада, Соединенные Штаты со второй половины XX века поступательно наращивали экспансионистский натиск: после Второй мировой войны США совершали в среднем около 1,15 интервенций в год, во времена «холодной войны» – 1,3, после падения Берлинской стены – 2 интервенции в год⁵. Объектами интервенций становились государства Восточной Азии, Латинской Америки, Восточной Европы, Ближнего и Среднего Востока.

На рубеже тысячелетий США предприняли попытку навязать мировому сообществу моноцентричную структуру системы международных отношений, ослабляя государства Европы и Азии в ходе обострения существующих и провоцирования новых международных конфликтов. Присоединение большинства стран мира к кампании «борьбы с международным терроризмом» было расценено руководством США как фактическое признание навязываемой глобальной системы политического диктата. В то же время стремление США к единоличному управлению миром при отсутствии общих с европейскими государствами мобилизационных стимулов способствует децентрализации макрорегиональной политико-экономической структуры Запада и усилению значимости Европейского Союза в качестве самостоятельного глобального политического центра влияния.

Как единственная сверхдержава США являются основным источником глобальной агрессии, но в то же время и основным объектом противодействия не-Запада. При этом материальное обеспечение экспансионизма США основывалось на финансово-спекулятивных махинациях, которые не только поставили на грань краха некогда мощнейшую экономику, но и спровоцировали мировой финансово-экономический кризис. Как и предыдущие государства – лидеры Запада, США не сумели своевременно скорректировать характер внешнеполитической деятельности, исчерпав запас внутренней прочности собственной социально-политической системы. Рост издержек военно-политической агрессивности в сочетании с ошибочной внутриэкономической стратегией США приведет в ближайшие десятилетия к эрозии статуса един-

¹ «Теперь людей оценивали исходя из того, что они потребляли, а не по их убеждениям» (Бурстин Д. Американцы: демократический опыт / Пер. с англ. М.: Прогресс – Литера, 1993. С. 116). «Никогда ранее столько людей не были связаны друг с другом таким огромным количеством вещей» (там же. С. 117).

² «Заговор панамских сепаратистов, финансируемый и подготовленный США, был назван президентом «самой справедливой и достойной революцией». ...«Революция» стоила 100 тысяч долларов...» (Уткин А.И. Теодор Рузвельт: политический портрет. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. С. 119.). Прообраз современных «демократических» революций оказался чрезвычайно выгодным капиталовложением, ведь Колумбии вначале за предоставление США права на строительство канала было предложено 10 млн. долл. одновременно и 250 тыс. ежегодно.

³ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.voskres.ru/idea/kozhinov.htm> (дата обращения: 11.09.2006).

⁴ Цит. по: Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. С. 92.

⁵ См.: Уткин А.И. Единственная сверхдержава. М.: Алгоритм, 2003. С. 227.

ственной сверхдержавы и впоследствии к обострению борьбы за глобальное лидерство.

В докладе Национального разведывательного совета США «Глобальные тенденции–2025: изменившийся мир» утверждается, что «продолжится наблюдаемый ныне беспрецедентный перенос относительного богатства и экономического влияния с Запада на Восток. ...А также увеличится риск того, что традиционные западные альянсы ослабеют. Многие страны будут привлекать скорее китайская модель альтернативного развития, чем западные модели политического и экономического развития»¹.

Эволюция мирового сообщества будет испытывать влияние изменения соотношения макрорегиональных систем, происходящего не только из-за снижения потенциала Запада, но и по причине усиления тенденций децентрализации его политико-экономической структуры. Издержки трансформации структуры мирового сообщества усугубляются также несоответствием модели рыночной экономики потребностям преодоления мирового финансово-экономического кризиса, а также отсутствием эффективных политических механизмов разрешения глобальных проблем.

Наибольшему испытанию на прочность универсалистский статус западных политико-идеологических идеалов и ценностей подвергается в государствах Востока, культивирующих конфуцианские и мусульманские традиции.

Обладающие единой локальной цивилизационной традицией и соединенные интенсивными экономическими связями государства Восточной Азии целесообразно рассматривать в качестве основы цивилизации региона, охватывающей Китай, Японию, Корею, а в перспективе страны Юго-Восточной Азии и Монголию.

Одним из главных компонентов конфуцианства является ритуал (ли) – определенная совокупность символических действий, выражающих связь субъекта с системой социальных отношений и ценностей, не обладающих утилитарным, самоценным значением. «Следующий монолог Конфуция, приводимый в «Ли цзи», характеризует понятие ритуал, на наш: взгляд, наиболее полно: «Благодаря ритуалу прежние государи преемствовали небесный путь, управляли человеческими чувствами. Потому-то утративший его умирал, обретавший его – жил. В "Шицзин" сказано: "Когда у человека нет ритуала, он подобен крысе, у которой [одно только] тело; если у человека нет ритуала, лучше ему скорее умереть!" Поэтому ритуал должен исходить от неба, но подражать земному, распространяться [даже] на духов и души [умерших] и касаться траура, жертвоприношений, стрельбы из лука, управления колесницами, инициации, брака, аудиенций и приглашения на службу». Конфуцианство требовало строжайшей регламентации всех сторон жизни, неукоснительного соответствия их ритуалу. "На то, что не соответствует ритуалу, нельзя смотреть; то, что не соответствует ритуалу, нельзя слушать; то, что не соответствует ритуалу, нельзя говорить; то, что не соответствует ритуалу, нельзя делать", – подчеркивал Конфуций. Ритуал был направлен на укрепление верховной власти повелителя, поддержание его культа. Поэтому все, что касалось самого правителя, его общения со стоявшими ниже на иерархической лестнице военно-теократического государства, оформлялось особыми церемониями, соблюдавшимися очень строго»².

Как и в обыденной жизни, ритуальность в политике конфуцианских государств проявляется в стремлении «сохранить лицо». «Лицо есть знак социальных претензий человека и, главное, признания этих претензий другими»³. В соответствии с требованием «сохранения лица» непозволительно открытое проявление агрессии. Это требование удачно иллюстрируется древнекитайской поговоркой: «Настоящий человек не показывает себя, а кто показывает себя, не настоящий человек». Подобные взгляды создали на Востоке образ идеального политика, которого китайцы в древности сравнивали с зеркалом, отображающим все видимое, не раскрывая своей сущности: «Все обнажить – значит все утаить».

В сфере межгосударственных отношений с Китаем и другими конфуцианскими государствами при оценке складывающейся ситуации необходимо учитывать ритуальную составляющую, в значительной степени определяющую формальную сторону внешней политики этих государств в течение многих столетий. Это позволит избежать недоразумений, сходных с теми, которыми изобилует история российско-китайских отношений. В качестве одного из примеров В.С.Мясников приводит сопоставление суждений представителей двух стран в отношении оценки складывающихся дипломатических взаимоотношений⁴. В 1807 г. помощник пристава Русской духовной миссии М.Попов сообщал в российское министерство иностранных дел: «Долгом поставляю присовокупить, что во все время пребывания нашего в пределах соседственного Китайского государства можно было не только чувствовать, но видеть на самом опыте, что мы находились между лучшими приятелями... Словом сказать: находясь между мунгалами, китайцами и маньчжурами, довольны были все до одного дружественными обращениями, пособиями во многих случаях, особливо во время проезда, и лестными уверениями имевших частное свидание с нами, что россияне предпочитают от них всем прочим народам, искавшим сближения с ними». В донесении императору высших цинских чиновников в Урге, датированном этим же временем, возникает несколько иная картина: «По мнению ваших ничтожных слуг, русские – это некий бедный народ, мелочный по своей натуре, низшие и высшие классы которого совершенно не знают законов, русские люди хитры, и коварны и пекутся лишь о собственной корысти. Мало кто в их государстве умеет ездить верхом, мужчины не знакомы с луком и стрелами, а стреляют из

¹ Global Trends 2025: A Transformed World. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dni.gov/nic/NIC_2025_project.html (дата обращения: 21.07.2010).

² Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М.: Наука, 1980. С. 46.

³ Китайская военная стратегия / Сост., пер., вступ. ст. и коммент. В.В.Малыгина. М.: ООО «Изд. АСТ», 2004. С. 410.

⁴ См.: Мясников В.С. Межгосударственные отношения России с Китаем как форма межкультурного контакта // Цивилизации и культуры / Редкол.: Ерасов Б.С. и др.; Институт востоковедения РАН. М., 1995. Вып. 2. С. 225–226.

ружей; и обрабатывают поля они хуже чем китайцы. Что касается характера русских, то они беспорядочно едят и пьют, весьма пристрастны к водке, вину и нарядам, любят высокие должности и титулы. И хотя в настоящее время эти висельники не смогут затеять какое-либо вздорное дело, мы, ваши ничтожные слуги, во исполнение недавно изданного высочайшего указа, отправили на все пограничные караулы секретный приказ о соблюдении всевозможных мер предосторожности и представим императору новый доклад».

В сфере межгосударственных отношений с Китаем и другими конфуцианскими государствами при оценке складывающейся ситуации необходимо учитывать ритуальную составляющую, в значительной степени определяющую формальную сторону внешней политики этих государств в течение многих столетий. Это позволит избежать недоразумений, сходных с теми, которыми изобилует история российско-китайских отношений. При этом важно учитывать такое свойство политики конфуцианских государств, как стратагемность, а также многовековую практику использования высокоэффективных технологий скрытого манипуляционного воздействия. Показная благорасположенность на Востоке не означает реального стремления к сотрудничеству, поэтому и в XXI веке осторожность и рассудительность при оценке «перспектив стратегического партнерства» России с Китаем или Японией не будет лишней.

Одной из альтернатив западному доминированию в современных условиях является исламская мироустроительная традиция правоверия. Основные свойства этой динамично развивающейся традиции: теократический универсализм, экспансионизм, тотальная регламентация, децентрализованная иерархия.

Фундаментом теократического универсализма ислама является вероучительный принцип таухид (исоведания единобожия), обуславливающий космическое единство сущего и его абсолютную зависимость от Аллаха. «Особенностью ислама является также то, что он не разделяет духовное и мирское, а соединяет их в единую реальность...»¹.

В социально-политическом плане теократический универсализм предполагает однозначный приоритет религиозной идентичности (глобальной) в сравнении с национальной и гражданской (локальной). Исторически это было определено особенностями формирования единой для арабов государственности, развивающейся на основе создания уммы – общины, состоявшей из последователей пророка Мухаммеда. В дальнейшем, по мере включения в ареал ислама других этносов, понятие уммы как сообщества правоверных мусульман стало охватывать всех мусульман независимо от их национально-государственной принадлежности. «...исламская традиция братства человеческого может оказаться более привлекательным идеалом, нежели западная традиция суверенитетов для десятков отдельных национальностей»².

Отсутствие внутренних границ в мусульманской общине способствует расширению внешних пределов сферы влияния ислама. В начальный период, с начала VII по середину VIII века, ислам утвердился в Северной Африке, на Иберийском полуострове, на Ближнем Востоке, в Персии и на севере Индии³. На смену этому (арабскому) периоду пришла эпоха Оттоманской империи, сумевшей покорить значительную часть Балкан и Северной Африки. Оттоманские турки разрушили Византийскую империю (в 1453 году был взят Константинополь) и представляли реальную угрозу цивилизации Запада: дважды (в 1529 и 1682–1683 годах) была осаждена Вена. «Ислам – это единственная цивилизация, которая ставила под вопрос судьбу Запада...»⁴.

Превращению мусульманского ареала во влиятельный центр силы способствовало взаимное истощение Персии и Восточной Римской империи. Христианский мир был ослаблен долгими междоусобными войнами. Преследуемые в Западной Римской империи инакомыслящие встречали мусульман-завоевателей как освободителей и, переходя под исламское владычество, получали сравнительно спокойные условия. Иудеи и христиане, независимо от конфессиональной принадлежности («люди-книги» – ахль-уль-китаб), другие монотеисты, а также зороастрийцы считались в мусульманском мире «покровительствуемыми» (ахль-уз-зимма). В странах, признающих ислам государственной религией («земля ислама» – дар-уль-ислам), за предоставляемую мусульманами «защиту» «покровительствуемые» должны были платить специальный налог (джизья). Эти «покровительствуемые» немусульмане (зиммия) не могли служить в армии, занимать административные должности и осуществлять миссионерскую деятельность на территории дар-уль-ислам. Умеренные по тем временам ограничения привели к тому, что несториане Сирии, монофизиты Египта, иудеи в Испании становились сторонниками экспансии ислама.

В то же время терпимость к «покровительствуемым» в пределах дар-уль-ислам сопровождалась религиозно мотивированной агрессией⁵ к еще непокоренным государствам, воспринимаемым как «земля войны» (дар-уль-харб). Политико-религиозный экспансионизм мусульман основывается на допустимости проповеди веры на территории дар-уль-харб с использованием силы. Наряду с принципиальным признанием права на свободу вероиспове-

¹ Ислам в контексте диалога цивилизаций // Вестник аналитики. М., 2003. №1. С. 159.

² Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории / Пер. с англ. / Сост. Рашковский Е.Б. М.: Прогресс – Культура, 1996. С. 167.

³ «Позже, между XI и XVI веками, мусульмане продолжили завоевания, захватив по частям почти всю Индию, а их религия распространилась мирным путем еще дальше: в Индонезию и Китай на востоке и в Тропическую Африку на юго-востоке» (Тойнби А.Дж. Указ. соч. С. 163).

⁴ Хантингтон С. Указ. соч. С. 543.

⁵ Председатель Исламского комитета России Г.Джемаль считает: «Ислам – это очень жесткая традиция, жесткая доктрина. ...религия есть сопротивление миру, который является самоорганизацией материи, насилия, и носителем присущего ей зла. Поэтому призывать религиозных людей к умеренности, значит призывать их к лицемерию и теплохладности. Религия сама по себе – это воинствующее противостояние диктату зла» (Ислам в контексте диалога цивилизаций // Вестник аналитики. 2003. № 1. С. 224).

дания¹ в Коране, состоящем из проповедей Мухаммеда, произнесенных главным образом в Мекке и Медине между 610 и 632 годами, содержится призыв к войне с «неверными» (включая иудеев и христиан): «Воюйте с теми, кто не верует в Бога и в последний день; не считает запрещенным того, что запретил Бог и его Посланник; и с теми, из получивших Писание, которые не перенимают истинного вероустава доколе, покуда они не будут давать выкуп за свою жизнь, обесиленные, уничиженные»². Этот воинственный призыв не стал достоянием истории и способствовал, в том числе и в современном исламе, восприятию немусульман как политических противников.

Часть территории дар-уль-харб, не поддающаяся покорению, но на которой мусульмане имеют возможность проповедовать свою религию, может быть превращена в «землю перемирия» (дар-ус-сульх). В настоящее время дар-ус-сульх является Европа. И хотя в странах ЕС в целом доля мусульман не превышает 2,5 % от общего числа жителей, усиление иммиграционных потоков и высокий уровень рождаемости в иммигрантских общинах на фоне депопуляции европейских народов могут превратить Европу в дар-уль-ислам без масштабного применения силовых методов прозелитизма.

Запад начинает утрачивать свой социально-политический облик, уступая в демографическом соперничестве на собственной территории³. В борьбе за собственный европеизм некоторые страны прибегают к жестким дискриминационным мерам. Во Франции, например, мусульманам разрешено иметь не более двух детей. Впрочем, уже существующая в Европе мусульманская община вносит серьезный дисбаланс в политическую жизнь «стран пребывания», в том числе в сфере таких актуальных проблем, как борьба с терроризмом. Британский обыватель испытал шок, узнав, что теракты в Лондоне в июле 2005 года были совершены гражданами Великобритании, по-видимому, из тех, которые считают себя мусульманами, живущими в Великобритании. В этом плане показательным является высказывание молодого британца, недавно принявшего ислам: «Я – не англичанин, исповедующий ислам, а мусульманин, проживающий в Англии». И подобные ему поборники ислама не испытывают пиетета к немусульманским согражданам: почти треть молодых британских мусульман посчитали эти теракты «оправданными, поскольку Британия поддерживает «войну с террором»⁴.

Экстравертный радикализм ислама (сходный с экспансионизмом католицизма) сочетается с интравертной регламентацией, не уступающей своей детализацией иудаизму. Все области жизни членов уммы, включая и такие, как политика и экономика, регулируются общей системой обязательных для исполнения норм и правил закона Аллаха – шариата (араб. «божественное законоустановление» – комплекс предписаний, которые определяют убеждения, формируют нравственные ценности и религиозную совесть мусульман).

Шариатские нормы и правила вырабатывают теологи-правоведы (факихи) на основе толкования Корана в рамках исламского правоведения (фикх). При этом основное внимание уделялось не тому, чтобы найти в коранических текстах доводы верности определенного действия, а постижению воли Аллаха, отображенной в откровениях пророка. Сложившаяся шариатская система нормотворчества отличается в значительной мере консервативным характером, но позволяет мусульманской общине адаптироваться к происходящим изменениям за счет выработки новых правил в сложившихся границах нормотворчества.

Исламская правовая система получает развитие также в ходе выработки и вынесения решений высших религиозных авторитетов (муфтиев) о соответствии того или иного действия или явления шариату. Каждое из этих решений фиксируется в издании фетвы – официального юридического заключения, в котором выдвигаемое суждение аргументируется ссылками на Коран и мнения theologов, пользующихся авторитетом у муфтия, издающего фетву. При этом децентрализованная иерархия мусульманского мира, обусловленная развитием ряда самостоятельных религиозно-правовых направлений (мазхабов), затрудняет выработку и реализацию решений, обязательных для всех мусульман. В зависимости от принадлежности муфтия или имама к определенному мазхабу его мнение будет основываться на различных аргументах.

На рубеже тысячелетий исламское мировоззрение оказалось на острие противоборства Запада и Востока и в обозримом будущем может сыграть ключевую роль в определении приоритетных средств борьбы, в особенности в отношении террористических актов. Если возобладает радикальная тенденция в эволюции ислама, то в ближайшие десятилетия это приведет к всплеску новой волны терроризма и преобладанию насильственных методов в разрешении конфликтных проблем в системе гецивилизационных взаимодействий Запада и Востока.

Наряду с мироустроительными традициями правосудия, ритуала и правоправия, значительное влияние на эволюцию глобальных и региональных интеграционных процессов может оказать Русская идея.

В истории Российского государства общественная мысль стремилась с учетом особенностей переживаемой эпохи придать новую форму ответам на важнейшие проблемы отечественной цивилизации: какие должны быть цели, механизм и основные средства единения тяготеющих к различным цивилизационным типам народов в одном государственном образовании – Киевской, Московской Руси, Российской импе-

¹ «Скажи, о, Пророк, исходит истина от Бога твоего: кто хочет, тот уверует в Него, кто хочет, тот останется неверным» (сура 18, аят 29); «Нет принуждения в религии» (сура 2, аят 256).

² Сура 9, аят 29.

³ По мнению профессора МГИМО (У) МИД РФ А. Зубова, «...все разговоры о постхристианской западной цивилизации, о цивилизации атеистической, разложившейся, неверны... Западная цивилизация в той степени существует, в какой еще есть в ней христианский, духовный, нравственный потенциал. Это легко увидеть и в нормах закона, и в апелляции к имени Божьему во многих случаях, и, наконец, в тех нравственных принципах, в частности, в принципах свободы личности, либеральных принципах, которыми одухотворяется западная цивилизация» (Ислам ... С. 164).

⁴ См.: Рахман Г. (Gideon Rachman). Американцы, пророчащие «закат Европы», говорят лишь половину правды // The Financial Times, 17 October 2006. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/translation/230529.html> (дата обращения: 19.03. 2007).

рии, Советском Союзе, Российской Федерации, – в чем смысл существования России–Евразии¹. При этом целесообразно учитывать обусловленность форм проявления идей особенностями определенных эпох. У преподобного Серафима Саровского подобная мысль высказана следующим образом: «...мы удалились от простоты первоначального христианского ведения и под предлогом просвещения зашли в такую тьму неведения, что нам уже кажется неудобопостижимым то, о чем древние явно разумели»².

Одной из наиболее важных и активно изучаемых в современный период форм выражения Русской идеи является концепция «Москва – Третий Рим», получившая наиболее обобщенное выражение в посланиях инока псковского Спасо–Елизарова монастыря Филофея (ок. 1465–1542) князю Василию III: все православные царства христианской веры сошлись в едином Московском царстве.

Основой данной концепции послужила взаимосвязь нескольких идей. Первая из них отражает восприятие Рима как центра христианского мира. Вторая – связывалась с эсхатологической идеей странствующего царства, удерживающего приход антихриста. И третья, преобладавшая в Европе, – идея преемственной передачи имперской власти после падения Западной Римской империи.

Концепция «Москва – Третий Рим», в отличие от ее экспансионистской трактовки на Западе, «...не несла оттенка "официального" "имперского" хилиазма, эмоционально и горячо предупреждая власть предержащих о близости Парусии. "Четвертого Рима" не будет не потому, что Москва простоит вечно, а потому, что не осталось исторического земного времени для нового наследника. Изначально эта фраза не обожествляла власть, а гневно предупреждала ее о необходимости соответствовать в мыслях и поступках кануну апокалипсиса»³.

Смысловое содержание концепции «Москва – Третий Рим», по нашему мнению, указывает также на основное направление формирования геочивилизационной идентичности Российского государства, призванного продолжить геополитическую и культурологическую миссию Рима и Византии. Внутренний аспект данной миссии проявляется в единых для Рима, Византии и Московского царства геочивилизационных (на этнических и надконфессиональных) принципах империостроительства⁴. В соответствии с этой концепцией Москве отводилась роль преемника достижений первых двух империй в различных сферах.

В геочивилизационном аспекте преемство Москвы проявляется в принятии ключевой роли по собиранию территорий региона и поддержанию равновесия между основными макрорегиональными социально-политическими системами. «Россия исторически и геополитически призвана уравнивать два мира, два исторических антагониста – Восток и Запад, органически совмещая в себе оба начала»⁵.

На способ интеграции элементов государства указывает другая форма выражения Русской идеи – «Православие, Самодержавие, Народность». Сформулированные таким образом товарищем (заместителем) министра просвещения С.С. Уваровым в 1832 году русские охранительные начала были одобрены императором и стали официальным лозунгом. Идеология западничества стала неприемлемой после начала процесса революционных метаморфоз, охвативших вслед за Францией многие европейские страны.

Официальный лозунг был поддержан славянофилами, но содержащиеся в нем понятия были кардинально переосмыслены в качестве основ идентичности России. Новаторство славянофилов состояло в фундаментальной разработке понятий в русле инициированной ими традиции светского богословия.

В триаде «Православие, Самодержавие, Народность» славянофилы усматривали основные интегрирующие факторы отечественной государственности в духовной, властной и социальной сфере и особенности взаимодействия между ними в русской истории. Православие как культурно-историческая доминанта развития гармонично взаимосвязано с Самодержавием, предоставляющим независимость, автономии народа в духовной сфере и обеспечивающим верховенство личности в сфере властных отношений (само понятие государства в России производно от понятия «государь»). Православие и Самодержавие в социальной сфере основывались на Народности, предполагающим преемственность, самобытность развития и его укорененность в Традиции.

Н.Я.Данилевский отмечал: «Народности, национальности суть органы человечества, посредством которых заключающаяся в нем идея достигает в пространстве и во времени возможного разнообразия, воз-

¹ «Когда видишь, как эта огромная империя с большим или меньшим блеском в течение двух веков выступала на мировой сцене, когда видишь, как она по многим второстепенным вопросам приняла европейскую цивилизацию, упорно отбрасывая ее по другим, более важным, сохраняя таким образом оригинальность, которая хотя и является чисто отрицательной, но не лишена тем не менее своеобразного величия, – когда видишь этот великий исторический факт, то спрашиваешь себя: какова же та мысль, которую он скрывает за собою или открывает нам; каков идеальный принцип, одушевляющий это огромное тело, какое новое слово этот новый народ скажет человечеству, что желает он сделать в истории мира? Чтобы разрешить этот вопрос, мы не обратимся к общественному мнению сегодняшнего дня, что поставило бы нас в опасность быть разочарованными событиями последующего дня. Мы поищем ответа в вечных истинах религии. Ибо идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» (Соловьев В.С. Философская публицистика. Соч. в 2-х томах. М.: Правда, 1989. Т. 2. С. 220).

² Стяжатели Духа Святого / Сост. Н. Кикишев. М.: Ниола-Пресс, 2006. С. 33.

³ Ломанов А.В. Религиозно-философские традиции России и Китая: перспективы сравнения и диалога // Востокведение и мировая культура. К 80-летию академика С.Л. Тихвинского: Сб. статей. М.: Памятники исторической мысли, 1998. С. 115.

⁴ «Российская государственность исторически оказалась ответом на экспансивные вызовы как Востока, так и Запада. Россия традиционно стиснута империями: Циньской, Османской, Латинской. Выжить в таких условиях можно было, лишь самой став империей...» (Ильин В.В. Структурность политосферы // Полис (Политические исследования). 1995. №1. С. 98–99.)

⁵ Очиров Т.Н. Евразийская концепция культурной самобытности России // Социальная теория и современность. Вып. 18. Евразийский проект модернизации России: «за» и «против». М.: Изд-во РАГС, 1995. С.48.

можной многосторонности осуществления... следовательно, жертвы, требуемые для охранения народности, суть самые существенно-необходимые, самые священные. Народность составляет поэтому существенную основу государства, самую причину его существования, – и главная цель его и есть именно охранение народности. Из самого определения государства следует, что государство, не имеющее народной основы, не имеет в себе жизненного начала, и вообще не имеет никакой причины существовать»¹.

Наряду с иными формами проявления Русской идеи идеологемы «Москва – Третий Рим» и «Православие, Самодержавие, Народность» отражают приоритетность духовных начал в развитии цивилизации Русь, своеобразие Русского пути, его взаимосвязь с эволюцией социально-политических систем Запада и Востока.

Особенности современного периода развития России в полной мере подтверждают незыблемость основных положений Русской идеи, но, в то же время, привносят новые особенности в ее звучании.

В первую очередь это относится к подчеркиванию решающей роли государства в разрешении современных российских проблем. Показательно, что многие российские политические партии и движения отражают в своих программах актуальность укрепления и возрастания роли государственных начал в основных сферах жизни народа России. Властные структуры постепенно осознают неприемлемость и бесплодность примитивного заимствования иных политических и экономических моделей, признавая необходимость разработки собственных программ развития, выполнение которых должно основываться на сильной государственной власти как традиционном основном средстве конструктивных преобразований в отечественной социально-экономической системе.

Данный принцип, принцип Державности, отражающий жизненную необходимость сильной централизованной власти для России, должен стать одним из компонентов современного российского интеграционного проекта, новым выражением Русской идеи в третьем тысячелетии. Централизованная государственная власть, стремящаяся к воплощению принципа Державности, является основным средством решения российских геополитических задач, а в мистическом плане становится причастной выполнению миссии удерживающего геос.

«Россия – мир особый в географическом и культурном смысле, у нее своя историческая миссия – быть Европо-Азией, Восток-Западом, отнюдь не буфером между ними, а скорее глубоко синтезирующим, примиряющим началом... назначена историей именно для того, чтобы так или иначе Европу с Азией помирить, связать и слить»².

Эту задачу в состоянии было выполнить только мощное государство, образующее самостоятельный центр силы. Исторически выживание, безопасность и успешное развитие отечественной цивилизации основывались на потенциале государства. «Одной из наиболее существенных характеристик системы устройства России на протяжении многих веков была огромная роль государства, основанного на принципе державности...»³. Государство в России играет особую роль, выступая как эффективный (иногда единственный) социально-политический механизм установления и поддержания согласия в общественной жизни.

Ключевым элементом российской мироустроительной инициативы должна стать Соборность⁴, поскольку именно соборность народов и земель Евразии в геополитической сфере России приобретает первоочередное значение в контексте глобальных проблем современности.

Соборность представляет собой одну из важнейших категорий православного богословия и русской философии всеединства. Понятие соборности вошло и в предтечу современной экологической мысли – русский космизм. Соборность в социальной жизни представляет собой единство сущностных сил общества.

Философ и богослов, историк А.С.Хомяков утверждал, что в отечественной цивилизации соборность проявляется как основа исторической жизни России, как «начало цельности и единства», «единство во множестве»⁵. Как отмечал А.С.Хомяков, Православная церковь никогда не притязала на насильственное управление волею и помыслами прихожан, а также на приобретение себе светски-правительственной власти. Тем самым Православие отличается от римско-католической церкви, которая свободному единству предпочла начало внешнего авторитета, так и от протестантизма, пожертвовавшего единством ради начал свободы. «...Утверждаю смело, – говорил Хомяков о соборности, – что одно это слово содержит в себе целое исповедание веры»⁶.

Соборное восприятие пространства и времени является инвариантной чертой русского мировоззрения, истоки которого уходят в языческую архаику и которая находит органичное продолжение в православной культуре. Как отмечает А.С.Фролов, это связано с тем, что сознание русского народа формировалось в условиях непрерывного военного давления. Необходимость постоянной мобилизации сил для отражения агрессии в значительной мере обусловила специфику восприятия жизненного пространства, особенности пространственно-временных представлений. «Эту особенность можно определить как "категорический императив сохранения пространства-времени". Поскольку выполнить эту сверхзадачу можно было только, заполняя плотью своего этноса окружающие Русь лесные и степные пустоты и полости, превращая их в вязкий буфер, который амортизировал набеги враждебных племен, постольку задача сохранения стала императивом собирания пространства»⁷. Это определило также и соответствующее отно-

¹ Данилевский Н.Я. Указ. соч. С. 187.

² Менделеев Д.И. К познанию России // Вестник высшей школы. М., 1992. № 4–9. С. 96.

³ Ерасов Б.С. Указ. соч. С. 89.

⁴ «...В основе русского народа, его цивилизации лежит соборность» (Моисеев Н.Н. С мыслями о будущем России. М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997. С. 207).

⁵ Хомяков А.С. Сочинения в 2-х томах. М.: Медиум, 1994. Т. 2. С. 242.

⁶ Хомяков А.С. Указ. соч. Т. 2. С. 242–243.

⁷ Фролов А.С. Философско-религиозные основы русской культуры. Дис. ... докт. философ. наук / Алтайский ГТУ им. И.И.Ползунова.

шение ко времени, которое так же можно обозначить как соборное: бытие народа в экстремальных геополитических условиях требовало предельной мобилизации опыта предков, актуализации прошлого.

«Синдром мобилизации всех сил – прошлого и будущего – определил такое отношение ко времени, когда оно утрачивало свою трехчленную структуру и как бы сосредоточивалось, собиралось в одной точке, не принадлежащей к какому-то конкретному элементу этой структуры. ...Внешняя агрессия, нарушавшая пространственно-временную целостность народа воспринималась как разрыв пространства-времени. Наиболее эффективным средством его предотвращения и служило собирание пространства, его сохранение и собирание времени – сосредоточение его в одной точке»¹.

Соединение в русском мировосприятии пространства со временем порождает движение. Движение есть способ соединения пространства и времени в органическое целое. В отечественной цивилизации движение воспринималось как равнозначное процессу самоидентификации, поиска и обретения своего «я». Следовательно, пространство физическое как атрибут природы, космоса, становится в отечественной цивилизации символом пространства метафизического, в котором отражается духовный лик человека. Поэтому опасность не найти себя, потеряться духовно равнозначна опасности бесследно раствориться в физическом пространстве.

Принцип Соборности определяет механизм интеграции Российского государства и, наряду с Державностью, составляет основу идеологии Российского государства, способной консолидировать народы Евразии в третьем тысячелетии.

Русская идея в прошлом в образной форме указывала на цель соединения евразийских народов. Наиболее значимыми из них были образы Святой Руси² и Китеж-града, указывающими на то, что идеал народов отечественной цивилизации выходит за рамки материального мира, но тесно соединен с земным, преображая его. «Преображение в пространстве русской культуры имеет статус ключевого философско-религиозного смыслообраза, обозначающего завершающую стадию Богопознания и являющегося стержнем соборного миропонимания»³. Идеалы святости воодушевляли людей на стремление превратить земную жизнь в царство справедливости. Стремление к запредельному и невозможному было характерно в России и в советский период. Близкие к религиозным по форме (но не по содержанию) идеалы коммунизма являлись в тот период выражением представлений о справедливом земном устройстве.

Преемственным выразителем представлений об идеалах народов России-Евразии, о цели их единения служит понятие Правды⁴. «В русском языке существует очень характерное слово, которое играет чрезвычайно большую роль во всем строе русской мысли – от народного мышления до творческого гения. Это неперебиваемое слово «правда», которое одновременно означает и «истину», и «моральное и естественное право»... Это, собственно, и есть истина как «свет... который просвещает всякого человека, приходящего в мир» (Иоанн, I, 9), истина как Логос, в котором – жизнь, позволяющая преодолевать разрыв между теорией и практикой, между познанием и формой существования»⁵.

Исторически свойственное Руси понятие Правды вбирает в себя смысл истины и справедливости, правого социального порядка и праведности в личной жизни. С.Л.Франк государство и правду рассматривал как взаимосвязанные понятия: «Государство... есть человеческое – и потому неизбежно искаженное – воплощение божественного начала правды...»⁶. Эта взаимосвязь была отражена в евразийской концепции.

«Важнейшую роль в евразийском устройении общества играла идея "государства правды", подчиненного высшим ценностям. Поэтому главное значение приобретает "истина-правительница", формирующая общую основу, архетип всей культуры. На этой же основе формируется и идеология, соблюдение принципов которой определяет и отбор правящего класса»⁷.

Слова Св. Александра Невского «не в силе Бог, а в правде» Н.А.Бердяев считал характерными для отечественной цивилизации. «Трагедия русского народа в том, что русская власть не была верна этим словам»⁸. Знаменательно, что первые отечественные сборники правовых норм «Русская правда» и «Правда Ярославичей», первая газета большевиков и центральный орган советской печати газета «Правда» своими названиями подтверждают преемственное значение данного понятия на протяжении всей многовековой истории Российского государства.

Российский мироустроительный проект Правды, Соборности, Державности, обозначающий цель, механизм и основное средство единения народов Евразии в единой макрорегиональной системе является необходимым звеном преодоления глобальных проблем современности. В современных условиях Россия, используя взаимные политические интересы ведущих западных государств может сыграть роль связу-

М., 1995. С. 90.

¹ Там же. С. 91.

² Талгат Таджуддин, Верховный муфтий России, отмечал: «Мы, мусульмане, всегда считали Русь святой» (Духовность. Нравственность. Правопорядок. М.: Академия управления МВД России, 1999. С. 63).

³ Фролов А.С. Указ. соч. С. 398.

⁴ «Потому что никаким развратом, никаким давлением и никаким унижением не истребишь, не замртишь и не искоренишь в сердце народа нашего жажду правды, ибо эта жажда ему дороже всего» (Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Л.: Наука, 1980. Т. 21. С. 58).

⁵ Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 489–490.

⁶ Франк С.Л. Указ. соч. С. 89.

⁷ Ерасов Б.С. Цивилизационная теория и евразийские исследования // Цивилизации и культуры / Редкол.: Ерасов Б.С. и др.; Институт востоковедения РАН. М., 1996. Вып. 3. С. 20.

⁸ Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Вопросы философии. 1990. №1. С. 94.

ющего звена в формировании союза новых лидеров гецивилизации¹.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Вопросы философии. 1990. №1.
2. Бурстин Д. Американцы: демократический опыт / Пер. с англ. М.: Прогресс – Литера, 1993.
3. Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002.
4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. 6-е изд. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, Глагол, 1995.
5. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Л.: Наука, 1980.
6. Духовность. Нравственность. Правопорядок. М.: Академия управления МВД России, 1999.
7. Ерасов Б.С. Цивилизации: универсалии и самобытность / Отв. ред. Н.Н. Зарубина. М.: Наука, 2002.
8. Ерасов Б.С. Цивилизационная теория и евразийские исследования // Цивилизации и культуры / Редкол.: Ерасов Б.С. и др.; Институт востоковедения РАН. М., 1996. Вып. 3.
9. Ерасов Б.С. О геополитическом и цивилизационном устройстве Евразии // Цивилизации и культуры / Редкол. Ерасов Б.С. и др.; Институт востоковедения РАН. М., 1996. Вып. 3.
10. Ильин В.В. Структурность политосферы // Полис (Политические исследования). 1995. №1.
11. Ислам в контексте диалога цивилизаций // Вестник аналитики. 2003. №1.
12. Кара-Мурза А.А. Между «империей» и «смутой» // Полис (Политические исследования). 1995. №1.
13. Китайская военная стратегия / Сост., пер., вступ. ст. и коммент. В.В.Малыгина. М.: ООО «Изд. АСТ», 2004.
14. Ломанов А.В. Религиозно-философские традиции России и Китая: перспективы сравнения и диалога // Востоковедение и мировая культура. К 80-летию академика С.Л.Тихвинского: Сб. статей. М.: Памятники исторической мысли, 1998.
15. Менделеев Д.И. К познанию России // Вестник высшей школы. М., 1992. № 4–9.
16. Моисеев Н.Н. С мыслями о будущем России. М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997.
17. Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М.: Наука, 1980.
18. Мясников В.С. Межгосударственные отношения России с Китаем как форма межцивилизационного контакта // Цивилизации и культуры / Редкол.: Ерасов Б.С. и др.; Институт востоковедения РАН. М., 1995. Вып. 2.
19. Очиров Т.Н. Евразийская концепция культурной самобытности России // Социальная теория и современность. Вып. 18. Евразийский проект модернизации России: «за» и «против». М.: Изд-во РАГС, 1995.
20. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003.
21. Пантин В.И. Логика разума или страстей // Полис (Политические исследования). 1995. №1.
22. Рахман Г. (Gideon Rachman). Американцы, пророчащие «закат Европы», говорят лишь половину правды // The Financial Times, 17 october 2006. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/translation/230529.html> (дата обращения: 19.03.2007).
23. Соловьев В.С. Философская публицистика. Соч. в 2-х томах. М.: Правда, 1989.
24. Сорокин К.Э. Государственные интересы как обобщение национальных // Полис (Политические исследования). 1995. №1.
25. Стяжатели Духа Святого / Сост. Н. Кикишев. М: Ниола-Пресс, 2006.
26. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории / Пер. с англ. / Сост. Рашковский Е.Б. М.: Прогресс – Культура, 1996.
27. Уткин А.И. Единственная сверхдержава. М.: Алгоритм, 2003.
28. Уткин А.И. Теодор Рузвельт: политический портрет. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989.
29. Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992.
30. Фролов А.С. Философско-религиозные основы русской культуры. Дис. ... докт. философ. наук / Алтайский ГТУ им. И.И. Ползунова. М., 1995.
31. Фукуяма Ф. Конец истории // США: экономика, политика, идеология. М.: Институт США и Канады РАН, 1990. № 5.
32. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М.: Academia, 1999.
33. Хомяков А.С. Сочинения в 2-х томах. М.: Медиум, 1994.
34. Шевченко В.Н. К современным спорам вокруг евразийской идеи // Социальная теория и современность. Вып. 18. Евразийский проект модернизации России: «за» и «против». М.: РАГС, 1995.
35. Global Trends 2025: A Transformed World. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dni.gov/nic/NIC_2025_project.html (дата обращения: 21.07.2010).

¹ «Китайская, российская и индо-буддистская цивилизации вместе, возможно, образуют систему того не-Запада, от которого будет исходить новая формационная инициатива, демонстративно отвергаемая Западом во имя выгодного ему статус-кво. Этот формационный сдвиг будет, по всей видимости, осуществляться совсем в другом контексте и по другим критериям, нежели те, что предложены европейскими формационными теориями» (Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003. С. 755).